

ЛИТЕРА

Ежедневная республиканская
общественно-политическая газета

Поэт и мыслитель планетарного масштаба. Айналайын, земля моя!

13 июня 1959 года в «Литературной газете» была впервые опубликована подборка стихов двадцатитрехлетнего поэта Олжаса Сулейменова, студента Литературного института, с напутственными словами Леонида Мартынова: «Олжас Сулейменов, казахский поэт, творящий на русском языке, целиком остается поэтом казахским, родным сыном этого прекрасного гордого народа, исстари сочетавшего свои надежды и чаяния с надеждами и чаяниями народа русского. Явление Олжаса Сулейменова живо воплощает все эти связи – житейские, географические, политические, этические, эстетические...» А еще через год – не без участия Бориса Слуцкого – вышла подборка стихов в журнале «Дружба народов». Это были первые всесоюзные публикации молодого поэта, слушателя переводческого семинара, который вел Лев Озеров. И если через годы Леонид Мартынов упоминал предков поэта из Баян-Аула и Омска, то сам Олжас был родом из «города у подножия гор» – Алма-Аты.

12 апреля 1961 года стало днём знаменательного для человечества переворота земного сознания: в этот день советский человек Юрий

Гагарин впервые полетел в космос. Событие потрясло двадцатипятилетнего Олжаса. Его поэма «Земля, поклонись человеку!», написанная по-акынски – за пару дней, была тут же на разноцветных листовках рассыпана с самолета-кукурузника над Алма-Атой. Изумлённые люди принимали эту поэтическую весть с небесных высот, да не только люди, даже цветущий урюк, который, как всегда, цветет раньше, чем распускаются листья, убеждался по-своему, что не зря расцвел в эти апрельские дни. В поэме есть и такие строки, призыв романтика:

Вы совершили свой первый подвиг –
Преодолели земную тягость.
Чтобы потомки это запомнили –
Преодолейте земные тяжбы.

Да, это была та самая романтика шестидесятых, которой поэт хранит верность и в XXI веке. В наше время, время нарастающей глобализации и конфликтов, порождаемых ею, современный мир во многом меняет привычные взгляды на многие культурные ценности прошлого. Возникает потребность восполнить образовавшийся духовный и интеллектуальный вакуум, чтобы не растворилось в мировой культуре многообразие национальных культур. Олжас Сулейменов был и остается верен этим принципам. О таких предпосылках глобальных изменений мирового порядка поэт предупреждал с трибуны V Конференции писателей стран Азии, Африки и Латинской Америки, что проходила ещё в 1973 году, то есть почти полвека тому назад. Его предостережение существенно и актуально сегодня. Профессор Сорбонны, поэт и переводчик русской поэзии Леон Робель, представляя свой перевод поэмы «Глиняная книга», отмечал: «Олжасу Сулейменову давно уже близки идея братства культур и духовное взаимообогащение народов. Расшифровка письменности, языков и легенд, по его мнению, поможет нам по-другому взглянуть на историю человечества, всё же единую, в которую разделение и произвольная изоляция внесли замешательство. Это страстное чувство проходит через всю книгу, и, несмотря на шутливую, едкую полемическую форму, это произведение от корки до корки эпическое: давно уже наш раздробленный мир не слышал такого сильного голоса – мы признаём Олжаса Сулейменова наследником или преемником Гильгамеша, Гюго, Хлебникова, одним из тех, величие которых естественно».

Можно гордиться тем, что такой человек стал твоим Учителем в поэзии и в жизни. В юбилейные дни Олжаса многие испытывают это чувство.

На стыке веков и тысячелетий, в своеобразный транзитный период нашего бытия Олжас Сулейменов в своей деятельности на посту посла Казахстана в Италии и затем полномочного представителя в ЮНЕСКО не раз пытался воплотить из идеала в реальность эти идеи братства культур и духовного взаимовлияния.

Леонид Мартынов и Сергей Марков, Константин Симонов и Борис Слуцкий,

Роберт Рождественский и Андрей Вознесенский, Мирза Турсун-заде, Кайсын Кулиев, Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Эдуардас Межелайтис, Морис Симашко... Классики казахской литературы – Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Бауржан Момыш-улы, Ануар Алимжанов, Жубан Мулдагалиев, Абиш Кекилбаев... Этот ряд блистательных литературных имён советской литературы, России и родного Казахстана всегда пребывают в благодарном сердце поэта и в его поэтической памяти: со многими из них поэт был в личной дружбе, а мальчишкой ему довелось увидеть и живого Джамбула, чье 170-летие празднуем в этом году. Близость духовных интересов со многими поэтами нашей планеты была скреплена многолетним братством – с Фаизом Ахмад Фаизом из Пакистана, палестинцами Муином Бсису, Махмудом Дервишем, индийцами Субхасом Мукерджи, Шрикантом Вармой, японцем Иосио Хота. Отражением этого творческого родства являются строки Риммы Казаковой, посвящённые поэтическому собрату:

Люблю тебя за точный твой талант,
За то, что так свободен, так раскован,
За то, чем дарит жизнь – взамен
утрат –
Того, чьи дни бегут путем рисковым.

В это трудно поверить: 18 мая Олжас Сулейменов встречает своё восьмидесятилетие. Так бегут дни «путём рисковым». В восемьдесят лет, наверное, не всегда возьмешь в руки волейбольный мяч, как в молодые годы, душа все больше тянется к шахматной доске, на которой можно вновь и вновь воссоздавать партии созидания. Но за окном алма-атинского дома всё то же «предчувствие гор», только исчезли былинные горлинки, когда-то заполнявшие стихи, да и ласточки уже редкость. Говорят, всему виной желтоклювые заморские скворцы. Своеобразная миграция не по своей воле... Да и дома уже не прячутся в тени деревьев, а, наоборот, деревья чахнут в тени высоток. Изменился и сам «ландшафт поэзии» нашей жизни, но не забыть последний день февраля 1989 года – день рождения всенародного антиядерного движения «Невада – Семей». Конференц-зал Союза писателей Казахстана был слишком мал для собравшихся, а люди шли и шли, заполняли коридоры здания и прилегающую к нему площадь. Быть может, так, из ещё неосознанного потока, людская масса преобразуется в осознанное понятие – народ. Народ, который собрался здесь, чтобы вместе со своим кумиром заявить: «Нет атомным испытаниям в Казахстане!». И одним из первых указов Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева был указ о закрытии Семипалатинского ядерного полигона. Это то, что сделал Олжас Сулейменов, на время забыв о поэтической лире. Он отстаивал утверждающие жизнь принципы. Думаю, что нет ничего выше такой инициативы поэта. В своё время общественное мнение России и Казахстана буквально взорвала книга Олжаса Омаровича Сулейменова «Аз и Я», что, естественно, складывается в слово «АЗИЯ».

По Олжасу, по его «Аз и Я» есть понятия «макропоэзия» и «микропоэзия». Как утверждает мой Учитель, первая – это мифы, геометрия, астрономия, геология, физика. Она облекает в плоть слова – понятия неосязаемые, взглядом неохватные... Обожествление символов развивает искусство, духовную культуру человечества. Микропоэзия – производитель вещи. Мать техники. Она выращивает из семени символа не древо познания добра и зла, а обыкновенное дерево. Утилитаризируя знаки, созданные макропоэзией, превращает их в предметы. Модель Вселенной превратилась в практическое колесо. В каждой культуре ощутимы последствия взаимодействия этих двух главных направлений. Далее Учитель подчеркивает, что, пытаясь определить назначение точки, макропоэты приходят к идее Первого человека. Они называют точку древнесемитским числительным ахтум – первый. В Египет вернется первым мужчиной Атум, родится в индоиранской среде Адам. Микропоэты придут к осознанию мельчайшей частицы материи – атом. И впервые поделят атом пополам египтяне в мифе о происхождении человека.

«Я верю, – пишет Сулейменов, – что в далеком будущем появятся этимологические словари, в которых происхождение слова будет связываться с письменным знаком. Я не оговорился, именно «в далеком», ибо бесконечно прав Эйнштейн, когда однажды воскликнул в отчаянии: «Легче разложить атом, чем предрассудок!».

Мы находимся в особом переходном пункте человеческой истории, и не просто потому, что хронологически отражаем календарь, а потому, что наш мир бесконечно меняется. Геополитические барьеры разорваны, и возникает ещё не исследованный поэзией мир. К сожалению, возникает этот новый мир в беспорядке и смятении.

Видя ежевечерне на телеэкране невинную кровь убитых и раненых юго-востока Украины, жертвы и разрушения на единых когда-то землях Дешт-и-Кипчак, слыша из уст бесстрастных дикторов имена и названия местности – Азов, Майдан, Донец, Беркут, Айдар, Саур, Карачун, Аксу, понимаешь – и сердцем и разумом, – что все эти наименования родом из эпохи «Слова о полку Игореве», Калки и Каялы. И быть может, совсем по-иному могла бы сложиться нынешняя ситуация, если бы книгу Олжаса Сулейменова «Аз и Я» начали изучать ещё в те самые семидесятые годы прошлого столетия.

Её живые страницы следует постигать на молекулярном уровне – вынашивая для будущего атомы взаимопонимания, выстраивая на века и столетия этимологию духа.

Слово о коллеге

Николай Тихонов

Я очень жалею, что мне не попались раньше две книги молодого поэта из Казахстана Олжаса Сулейменова «Аргамачи» и «Земля, поклонись

человеку!»).

Я познакомился на совещании молодых писателей и поэтов с третьей его книгой «Солнечные ночи». Не только я, но и все участники обсуждения были радостно поражены темпераментом, силой образности, широтой чувств, большим захватом темы.

Если иным молодым поэтам действительно не хватает масштаба, то в этой книге раздвинуты границы, и перед вами проходят поэтические картины, видения далекой азиатской древности, выхваченные как бы из легенды веков, и картины самой острой современности, включая парижские улицы и просторы далекой, заокеанской Алабамы, и все это в самом энергичном развитии действия, ошеломляя контрастами, драматическими сценами, избытком темпераментного, горячего чувства, сменой гнева и нежности, седого эпоса и романтической лирики.

Поэтический рассказ о былом и сегодняшнем, укрепляя голос и дух поэта, дает своеобразный сплав новых ощущений. Из пламени такого поэтического костра рождается характер нового человека, нашего современника, дышащего всей мощью нашего индустриального, богатого чудесами атомного века.

1963 г.

Из письма Константина Симонова

«... Самое для меня главное в книге – это подход к истории – жесткий и в то же время совестливый, в общем-то, что самое главное, справедливый, отмеченный и печатью национальной гордости, и печатью национального самосознания, и печатью того взгляда на вещи, при котором интернационализм и историческая справедливость становятся синонимами в том случае, когда взгляд интернационалиста повернут в историю, избыточную всякого рода национальными осложнениями, с которыми все же даже и пытаться разобраться (невозможно), если дух интернационализма осеняет тебя только в момент произнесения соответствующих официальных речей и тостов, а в остальное время тебе ни к чему. Постановка вопроса в Вашей книге, взгляд на историю, которая отнюдь не дышло – куда повернул, туда и вышло, мне близки и дороги как советскому писателю, как русскому интеллигенту, наконец, просто как человеку, с детства пристрастному к истории своего народа, такой, какая она есть, и со сладким, и с горьким...

Ваш Константин Симонов, 21 сентября 1975 г.».

Лев Аннинский

«Жемчужины подлинной поэзии, рассыпанные среди сложно-иронических конструкций «Глиняной книги», и есть ответ личности на все те вопросы, над которыми бьется Олжас Сулейменов. Ответ простой, точный и единственный для поэта».

1970 г.

Евгений Сидоров

«Олжас верит в материальность слова, ощущает праздничность языка, дразнит поэтического обывателя этимологическими упражнениями. Природная одаренность разлита повсюду, и если не всегда приводит к весомому эстетическому результату, то, по крайней мере, не допускает в стихи стереотипного сознания, отполированного до унылого глянца. Все эти качества сказались в его большой поэме «Глиняная книга».

Тимур Зульфикаров

«Родной брат мой, поэт, здравствуй! И я – через все расставания и расстояния! – поднимаю бокал с вином за Твое благоденствие и Твою душистую, как степной ветер, и мудрую, как древний тибетский манускрипт, поэзию! Да не прольется, не расплещется вино в дрожащей от радости руке! Вечный Ходжа Насреддин и вечный Ходжа Зульфикар кланяются Тебе в Твой день рождения. Прими и приюти хоть на миг этих бессмертных бродяг. Им жить и после нас. И они устали от пыльного кочевого бессмертия и ищут скоротечного живого приюта у нас, тленных и веселых.

С любовью твой Тимур Зульфикаров»

Поэтический дастархан

Олжасу Сулейменову

Люблю тебя, товарищ мой

Олжас,

За все, что не возьмешь –
ни так, ни с бою.

Люблю – не раз ожегшись,
обожжась

Чем-то в тебе или в себе –
с тобою.

Люблю тебя за точный твой
талант,

За то, что так свободен, так
раскован,

За то, чем дарит жизнь взамен
утрат,

Того, чьи дни бегут путем
рисковым.

И трудный нрав –
какие пустяки!

Люблю за это утоление жажды –
Всецело, безвозмездно, –
как стихи,

Что полонили всю меня
однажды.

Люблю тебя за то,
что не похож
Ни на меня, ни на других,
и если,
Пусть даже и вполголоса
поешь,
Не перекрыть негромкой
этой песни.

За то, что выпал в жизни
дивный шанс –
Родства по той
упрямо струнной лире...
Еще люблю за то тебя, Олжас,
Что многое ты любишь в этом
мире.

За всех, кому ты так
не по душе!
Они любви нас
нелюбовью учат...
За то, что не переиграть уже
Ни вздоха, ни улыбки,
ни созвучья.

За взлеты и ошибки сгоряча,
А быть иным – ни смысла нет,
ни средства,
За прямоту надежного плеча,
За чувство локтя, нет, за чувство
сердца.

И, по дорогам жизненным
кружась,
Не уступая чьей-то укоризне,
Люблю тебя, как эту жизнь,
Олжас,
Всем истинным в себе
и в этой жизни.
Римма Казакова,
1983 г.

МАСТЕРУ

Нести – строка к строке –
на встречные года
Из залежей веков руды богатой
сколы.
Напоминая нам бывшего
ореолы,
Мерцают зерна на изломах –
как слюда.

Юнцы иглою, что на диске
радиолы,
Судьбы выносят ритм
в большие города...
Спасибо, старший друг,
за мудрость вашей школы,
Что неизвестная за нею
мне грядет.

Что образ слова из глубин
людской души
Встает над суетой,
над пропастью во ржи,
Над озером, в ночи
укутанным туманом.

Поэта увлечет
и дервиш-пелигрим,
И Назарей, Византия,
Третий Рим,
И безымянная балбала
за курганом.
Бахытжан Канапьянов,
1986 г.

Олжасу Сулейменову

Я мерил жизнь (и этим горд!)
И на степной салтык;
Живя в стране трех древних
орд,
Я слушал их язык.

В бессмертном «Слове
о полку»,
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кыпчакские слова.

На них таинственный покров
Набросили века...
Я раскрываю тайну слов
Чужого языка!

Кыпчакским полчищам верна,
Поднявшись над бугром,
Огромная труба – Карна
Извергла медный гром.

От грома вздрогнула земля
И ринулась, звеня,
Жалын – желеу, или Жля –
Завеса из огня.

Еще напишет в добрый час
О пламенной строке
Мой юный друг – кыпчак
Олжас –
На русском языке!
Сергей Марков,
1970 г.

Олжасу Сулейменову
Сердце словно помолодело,
Снялась душевная маята.
Слева – в гору – каток «Медео»,
Справа – книзу – Алма-Ата.
Над балконом отрог
Тянь-Шаня,
Под балконом
тянь-шаньская ель.
Жизнь была бы тускней без
шуршанья
Этих, таких коротких, недель.
И крутит, крутит
свою пластинку
Тишайшему миру наперекор

Белая Малая Алмаатинка,
Несущая пену
с тянь-шаньских гор.
Над нею яблонь тяжелые плети.
А воздух в этих горах таков,
Какого осталось на всей
планете,
Может быть, тысячи
три глотков.
Лев Ошанин,
1989 г.

Олжасу

Окон – нет. Крыши – нет.
Нет стен.
Есть пустынная дорога.
И степь.
Есть холодный стекленеющий
простор...
Все написанное раньше –
снег стер.
С этим фактом ты заранее
смирись...
Белый-белый лист вокруг.
Чистый лист.
Неподвижный лист,
привыкший молчать...
Значит, что же? Можно
снова начать?!Разорви его! Огнем разорви!
Прочерти на нем окопные рвы.
Пулеметной трескотне помоги.
И расставь слепые точки могил.
Невозможной белизне возрази!
Задыхайся в сладковатой
гязи!
Проклинай себя. И смерти
молись!..
Белый-белый лист вокруг.
Чистый лист
На затравленной земле
распростерт.
Он молчит. Молчит и участи

ждет...

Ты шагни и напиши на нем

слова,

Чтоб под снегом улыбнулась

трава.

Роберт Рождественский, 1964 г.